

ОЛДОС ХАКСЛИ

СЕРОЕ ПРЕОСВЯЩЕНСТВО

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44
Х16

Серия «Эксклюзивная классика»

Aldous Huxley

GREY EMINENCE

a Study in Religion and Politics

Перевод с английского *В. Гольшева, Г. Дашевского*

Серийное оформление *Е. Ферез*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения литературного агентства
Andrew Nurnberg Associates International Ltd.

Хаксли, Олдос.

Х16 Серое Преосвященство : этюд о религии и политике / Олдос Хаксли ; [перевод с английского В. Гольшева, Г. Дашевского]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 384 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-134364-4

Исследование жизни незаурядного и загадочного человека, благодаря которому (или по вине которого) во все европейские языки вошло выражение «серый кардинал».

Он остался в истории под именем отца Жозефа — помощника и тайного советника, неизменно стоящего за спиной кардинала Ришелье, — и сыграл ключевую роль в европейской политике периода Тридцатилетней войны. Одни считали его святым, другие — чудовищем. Следуя жесточайшим правилам монашеского благочестия и никогда ничего не желая для себя лично, он тем не менее с легкостью шел на предательства и преступления, если дело касалось государственных интересов.

Кем же он был, этот преступник-праведник, твердо уверенный, что исполняет Высшую волю?..

УДК 821.111-94

ББК 84(4Вел)-44

© Aldous Huxley, 1941

© Перевод. В. Гольшев, 2021

© Перевод. Г. Дашевский, наследники, 2017

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2021

ISBN 978-5-17-134364-4

Глава 1

ПО ДОРОГЕ В РИМ

Монах шел, подвязав рясу, и голые ноги его были заляпаны грязью до колен. Весенние дожди превратили дорогу в болото. Он вспомнил, что в прошлый раз здесь было, как в печи для обжига извести. Вспомнил стихотворение, написанное им в одном из путешествий.

Quand au plus chaud du jour l'ardente canicule
Fait de l'air un fourneau,
Des climats basanés mon pied franc ne recule,
Quoy que je coule en eau¹.

В то лето 1618 года они втроем шли в Испанию. Бедный брат Зенон из Генгана умер от солнечного удара в Тулузе. А неделей позже под Бургосом отца Романуса свалила дизентерия, и через

¹ Когда в самый знойный час, палящая звезда
Превращает воздух в топку,
Ноги мои не страшатся загорелой земли,
Хотя я обливаюсь потом (*фр.*). — *Примеч. авт.*

три дня его не стало. Он приковывал в Мадрид один. И теперь один должен был идти в Рим. Отца Ангелуса так замучила лихорадка, что он не мог сделать ни шагу. Да вернет ему Бог поскорей здоровье!

Ni des Alpes neigeux, ni des hauts Pirénées
Le front audacieux
N'a pu borner le cours de mes grandes journées
Qui tendent jusqu'aux cieux.
Cher Seigneur, si ta main m'enfonça la blessure
De ce perçant dessein,
J'ay droit de te montrer ma tendre meurtrissure
Et découvrir mon sein¹.

«La blessure de ce perçant dessein»², — повторил он про себя. Особенно удачная фраза. Почти латинская по своей нагруженности — похожа на фразу из Пруденция.

Капуцин глубоко вздохнул. Рана эта все еще открыта, и, подгоняемый пронзительным замыслом, он все еще шагает со скоростью пятнадцать лье³ в день по земле Европы. Когда будет испол-

¹ Ни заснеженных Альп, ни высоких Пиренеев

Гордое чело

Не прервало моих долгих странствий,

Устремленных к небу.

Господи, если Твоя рука уязвила меня

Сим пронзительным замыслом,

Я имею право показать

Тебе мою болезненную рану

И обнажить мою грудь (фр.). — *Примеч. авт.*

² Сим пронзительным замыслом (фр.).

³ Лье — 4,83 км. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*

нен этот замысел? Когда новому Готфриду Бульонскому дано будет взять приступом Иерусалим? Не сейчас еще, по-видимому, — не раньше, чем закончится война, не раньше, чем усмирена будет Австрийская династия и Франция усилится настолько, чтобы повести народы в новый крестовый поход. Когда же, Господи, когда?

Он опять вздохнул, и грустные мысли омрачили его лицо. Это было лицо человека средних лет, обветренное, худое от тягот, которым он обрек себя сам, морщинистое и усталое от постоянной работы ума. Из-под широкого умного лба выпуклые голубые глаза смотрели на мир внимательно, даже пристально. Орлиный нос мощно выдавался вперед. Длинная, неухоженная рыжеватая борода, уже с проседью, скрывала щеки и подбородок, но по полным, решительной складки губам можно было догадаться, что под нею — такая же твердая, основательная челюсть. Это было лицо сильного человека, человека могучего ума и крепкой веры, в котором четверть века религиозной жизни не приглушили сильных страстей и остроты чувств.

Босой — сандалии он снял и нес в руке — монах шел по грязи, погружившись в меланхолические раздумья. И вдруг, опомнившись, сообразил, что он делает. Кто он такой, чтобы обсуждать пути Господни? Печаль его — укор Провидению, вызов воле Божией, быть послушным которой — единственная цель его жизни. И послушание это должно быть охотным, чистосердечным, радостным. Печаль — грех, а значит — препятствие между его душой и Богом. Он остановился и больше

минуты стоял посреди дороги, закрыв лицо руками. Губы его шевелились, он молился о прощении.

Он зашагал дальше в покаянном настроении. Природный человек, ветхий Адам, — какую неусыпную враждебность к Богу несет в себе ум человеческий и тело! Какую постоянную склонность к греху! И какую изобретательность в искусстве грешить, какую сноровку — одолев одно искушение, найти другое, предаться еще более утонченному злу. Нет средства от этого, кроме постоянной бдительности. Всегда выставлять караул, оберегаясь от козней врага. *Timeo Danaos et dona ferentes*¹. Но есть и великий союзник — божественный друг, без чьей помощи гарнизон неизбежно погибнет. О, призови его! Открой ему ворота! Подмети улицы и укрась город цветами!

Из-за облаков вышло солнце. Капуцин посмотрел вверх и по его положению в небе определил, что сейчас начало третьего. Рим был еще в трех лье. Останавливаться некогда. Уничтожением своего «я» в сущностной воле он займется на ходу. Но это ему не впервой.

Он прочел молитву Господню медленно и вслух, затем приступил к начальной стадии упражнения — акту чистого намерения. Исполнить волю Божью, внешнюю волю, внутреннюю волю, сущностную волю. Сделать это ради одного Бога, невзирая на то, чего желает он сам, на что надеется, что может обрести в этом мире или в ином... Уничтожить себя во всем, что он дума-

¹ Боюсь данайцев, даже дары приносящих (*лат.*).

ет, чувствует или делает, так чтобы не осталось ничего, кроме орудия Божьей воли и души, соединенной Божьей милостью с этой божественной субстанцией, которая тождественна божественной сущностной воле. В полной сосредоточенности он прошел шагов двести или больше. Потом слова вернулись. Открыть себя Богу, приготовить душу к Его пришествию, внимательно и с благоговением. Обратиться — отринув все планы, все чувства, мысли, воспоминания — к такому сиянию божественной любви и знания, какие Бог соблаговолит дать. И если даже Он соблаговолит не дать мне ничего, если будет Его воля оставить меня без света и утешения, все равно обратиться к Нему благодарно и с полной верой. *Qui adhaeret Deo, unus spiritus est*¹.

— Прилепиться, — повторял он, — прилепиться.

От акта чистого намерения он перешел к акту поклонения и смирения. «Бог ради Него Самого, без всякой мысли о себе». Ибо что такое он сам? Ничто — но деятельное ничто, способное грешить и потому способное отрезать себя от Всего. Деятельное ничто, которое надо уничтожить в пассивном ничто, если должна исполниться воля Божья.

Он усердно трудился, чтобы уничтожить это деятельное ничто, и Бог не обошел его своими милостями: дал ему силу справляться хотя бы с наименнейшими проявлениями природы, дал разумные

¹ Кто прилепился к Богу, един с Ним духом (*лат.*). — *Примеч. авт.*

утешения, видения и откровения и временами позволял подойти к окраинам божественного присутствия. Но при всем этом его деятельное ничто еще не сдалось; он еще не избавился от нерадивости и несовершенства, и от подлинного греха — самодовольства при воспоминании о своих трудах и о благодеяниях, оказанных ему Богом. Ветхий человек в нем умел воспользоваться даже его стараниями истребить в себе ветхого человека и, гордясь этими стараниями, способен был загубить их результаты и усилить свое сопротивление Богу. Нет, если душа не настороже все время, даже милость Божью можно превратить в камень преткновения, источник тяжких грехов и несовершенств. Сын Божий, воплощенный источник благодати — как Он объявил о своей божественности? Смирением, благоговением, любовью к Богу.

«Любовь, любовь, любовь, — повторял капуцин, — смирение и любовь, да смирится ничто перед Всем, да исполнится ничто любовью ко Всему и благоговением».

Босые ноги монаха, закрученные, как у дикаря, от хождения по земле Европы, шлепали по лужам, бестрепетно наступали на камни в такт повторяемым словам.

«Любовь, любовь Христова...» Говорили, что кардинал-племянник был оскорблен поведением посла Его Католического Величества. «Любовь Христова, любовь Христова...» Эти испанцы вечно сами себя губят своим глупым высокомерием. «Любовь, любовь, любовь...» Что ж, тем лучше для Франции. Вдруг он осознал, что слова, кото-

рые он все еще повторяет про себя, отделены от его мыслей, что пламя, которое он пестовал в себе, погасло.

«Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно».

Он отогнал кардинала-племянника и испанского посла и восстановил связь между своими мыслями и словами. «Любовь, любовь, любовь Христова...» Огонек вновь разгорелся, и он усердно поддерживал его на протяжении четверти мили. Затем наступило время действия — отказа от отвлекающих мыслей и решительного изгнания их из ума.

Кардинал-племянник и испанский посол... Больше четверти века прошло с тех пор, как отец Бенет из Канфилда научил его молиться. Больше четверти века, а сознанием своим он до сих пор не овладел окончательно, отвлекающие бесы по-прежнему сильны и порой вторгаются даже в святилище молитвы. Ничто не исцелит от этого, кроме милости Божьей. А пока что можно только изгонять отвлекающие мысли каждый раз, когда они прорвутся сквозь оборону. Если быть упорным в такой борьбе, если трудиться усердно и терпеливо, это, без сомнения, зачтется ему как заслуга. Богу ведомы твои слабости и твои старания их преодолеть.

Навстречу ему из города, звякая бубенчиками, медленно двигалась вереница вьючных животных. Погонщики мулов прервали разговор и почтительно сняли шапки. Полуслепой от долгих бдений над книгами и документами монах воспринял это

как смутное движение на фоне неба. Догадавшись о его значении, он поднял руку, благословляя погонщиков, и вернулся к молитве.

В той форме молитвы, к которой он привык, словесной медитации предшествовали подготовительные упражнения. Сегодня совершенством, которое он выбрал в качестве темы, была любовь. Следуя установившемуся порядку, он прежде всего обратился к Богу как к источнику любви. *Pater noster, qui es in coelo. Qui es in coelo*¹. Бог, Вечное и Бесконечное Существо. Но когда конечное существо отдается Бесконечному Существо, Бесконечное постигается как Любовь. Таким образом, Бесконечное Существо — в то же время Отец любящий — но детей, настолько непокорных и неблагодарных, что они всегда и всеми силами стараются оградиться от Его любви. Ограждают себя от Его любви и этим отрезают себя от счастья и спасения.

«Никакая праведность и добродетель, — шепотом повторял капуцин, — и даже вечное благо, которое есть Бог, не сделают человека добродетельным, праведным или счастливым, покуда они вне его души».

Он на миг поднял голову. В голубом разрыве неба, омытого дождем, сияло солнце. Но если опустишь веки на свету, тогда ты слеп, идешь во тьме. Бог есть любовь, но понять это вполне может лишь тот, кто сам любит Бога.

¹ Отче наш, Сущий на небесах! Сущий на небесах (лат.).

Эта мысль служила мостом между первой стадией медитации и второй, между Богом как источником любви и изъянами его собственной любви к Богу.

Он любит Бога недостаточно, потому что недостаточно отрешен от мира тварей, где должен совершать свой труд. *Factus est in pace locus ejus*¹. Вполне любить Бога может только сердце, освященное божественным присутствием, а Бог присутствует только в том сердце, где царит мир. Он же, монах, не допущен из-за беспокойства, даже когда беспокоится о трудах Божьих. Божий труд должен быть исполнен; но если он исполнен не в покое полной отрешенности, он заберет душу от Господа. К этой полной отрешенности монах был ближе всего в те дни, когда был занят проповедью и духовным наставлением. Но теперь Бог призвал его для более трудной работы в мире больших событий, и достигнуть отрешенности становилось все труднее. Пребывать в сущностной воле Божьей, ведя переговоры с герцогом Лерма, например, или принцем Конде, весьма затруднительно. Однако переговоры эти необходимы; это его долг, их требует внешняя воля Божья. От этих дел уклоняться нельзя. И если душевный мир покидает его, когда он ими занят, — то лишь по причине его слабости и несовершенства. Высшая степень молитвы — активное уничтожение своего «я» и всех тварей в сущностной воле Божьей — ему все еще недоступна. И нет другого средства от этого, кроме

¹ И было в мире место его (*лат.*). — *Примеч. авт.*

милости Божьей, нет другого способа сподобиться ее иначе как постоянной молитвой, постоянным смирением, постоянной любовью. Только так войдет в него Царство Божие, исполнится Божья воля.

Пора было переходить к третьей фазе медитации — размышлению о деяниях Спасителя и Его страстях в связи с Божьей любовью. *Fiat voluntas tua*¹. Когда-нибудь в мировой истории воля Божья сбудется, полностью и окончательно; ибо Бога любил и поклонялся Ему Тот, кто, будучи сам божественным, способен был на преданность, соизмеримую с ее предметом.

Перед монахом возник образ Голгофы — образ, преследующий его с тех пор, как маленьким ребенком он услышал о том, что сделали злые люди с Иисусом. Картина, стоявшая перед его мысленным взором, была реальнее и ярче того, что он действительно видел на дороге под ногами. «Отче! Прости им, ибо не знают, что делают». Жалость, любовь, обожание наполнили все его существо, словно физическое тепло, которое в то же время было болью. Сознательным усилием он изменил направление мыслей. Еще не настало время для этого акта любви и воли. Он должен еще обдумать в словах, для чего так страдал Спаситель. Он подумал о грехах мира и своих в том числе, о том, как он помогал тесать крест и ковать гвозди, плести бич и терновый венец, точить копье и рыть могилу. И все же, несмотря на это, Спаситель любит его и, любя, страдал, страдал, страдал. Страдал,

¹ Да будет воля Твоя (*лат.*). — *Примеч. авт.*

чтобы оплачен был Адамов грех. Страдал, чтобы на Его примере дети Адама научились побеждать зло в себе. «Прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много». Любящий прощен; прощенный сам способен прощать; прощая, он может открыть душу Богу; открыв душу Богу, он может любить еще сильнее; и так душа может подняться чуть выше по восходящей спирали, которая ведет к полному соединению. *Ama, et fac quod vis*¹.

«Да будет любовь», — повторял он, переводя молитву из медитации в Любовь, преобразуя акт рассуждающего разума в акт любящей, самоотверженной воли. «Да будет любовь». И свою безлюбовность, злобнодеятельное ничто, которое было им, он принес в жертву всеожжания, дабы поглотил его огонь Божьей любви.

Лишиться жизни, чтобы спасти ее. Умереть, дабы жизнь могла быть сокрыта со Христом в Боге. Умереть, умереть, умереть. Умереть на кресте смирения, умереть в непрерывном и добровольном отказе от себя, в пассивном и активном уничтожении своего «я».

Умереть, умереть, умереть, умереть... В акте искреннего раскаяния он попросил прощения у Бога за то, что еще остается собой, Жозефом Парижским, еще не вполне орудием Божьей воли, которое, даже действуя, должно пребывать в покое и оставаться отрешенным в суматохе мирских дел.

¹ Люби (Бога) и делай, что хочешь (*лат.*). — *Примеч. авт.*

Умереть, помоги мне умереть, помоги мне любить, так чтобы можно было помочь мне умереть. Он возложил безлюбость на внутренний алтарь и молился, чтобы ее сожгло, чтобы из пепла ее заново родилась любовь.

Его нагнал рысью молодой всадник с ярким плюмажем, в седле, украшенном серебром, с двумя кобурами, из которых торчали резные рукояти прекрасных пистолетов. Всадник перестал насвистывать и приветливо поздоровался. Монах не отвел, даже не поднял склоненной головы.

«Ты что, глухой?» — крикнул всадник, порывшись с капуцином. И только теперь разглядел лицо под серым капюшоном. Эти опущенные веки, губы, беззвучно и едва заметно произносящие молитву, сосредоточенное спокойствие лица смутили молодого человека и заставили умолкнуть. Он пробормотал извинения, приподнял шляпу, словно перед придорожной святыней, и перекрестился; затем прищпорил лошадь и ускакал, предоставив монаху без помех завершить акт самоотречения.

Как осмотрительно должна быть принесена эта жертва! Мягко, легко, без надсады! Бывали случаи, когда Царство Небесное брали приступом. Но это не тот случай.

Насильственное уничтожение своего «я» не достигнет цели, ибо такое насилие — принадлежность всего лишь человеческой воли, и прибегать к нему — значит укреплять свою волю в противовес Божьей. В акте самоотрицания человек должен действовать без усилий; вернее, должен быть пас-

сивен, должен позволить, чтобы на него действовала воля божественная.

В вопросе о Вальтеллине, конечно, Его Святейшество имеет больше оснований опасаться сближения Испании с Австрией, нежели сердиться на французов, вытеснивших папский гарнизон. Кардинал-племянник, вероятно, будет...

Монах снова почувствовал, что мысли о Божьих трудах затмевающим облаком встали между ним и Богом. Одолев первое побуждение страстно укорить себя — что только усугубило бы это затмение, он плавно сменил фокус внутреннего зрения, глядя мимо кардинала-племянника, мимо Вальтеллины, Испании, Франции — в сторону чистой воли Божьей, которая над ними, за ними и в них. Облако отплыло; свет снова стал доступен. Терпеливо, мягко он открывал себя очищающему и преобразующему сиянию.

Шло время, и наконец настал момент, когда ему показалось, что он готов перейти к следующей стадии созерцания. Зеркало его души очистилось, пыль и туманы, обычно повисавшие между зеркалом и тем, что оно должно было отражать, улеглись и растаяли. Если теперь он обратит свою душу к Христу, божественная форма отразится ясно и без кошунственных искажений; образ распятого Спасителя будет в нем, отпечатается на его воле, его сердце, его разуме — божественный образец для подражания, дух, воодушевляющий и наполняющий жизнь.

Он цепко держал возлюбленный образ за полуопущенными веками; на этот раз он позволил